

ПОСЛѢДНЯЯ ГЛАВА

ЕВГЕНІЯ

ОНЪГИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Ноября 16 дня, 1831 года.

Ценсоръ Н. Бутырскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впротемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ гистосердежно признает-ся, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него завистьло ознагитъ сію выпущенную главу тогками или цыфромъ; но во избѣжаніе соблазна рѣшился онъ лучше выставитъ, вмѣсто девятаго нумера, осмой надъ послѣдней главою Евгенія Онѣгина, и пожертвоватъ одною изъ оконгательныхъ строфъ :

*Пора: перо покоя просить ;
Я девять пѣсень написалъ ;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валь —
Хвала вамъ , девяти Каменамъ и прог.*

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

BYRON.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

І.

Въ тѣ дни , когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣпалъ ,
Читалъ охотно Апулея ,
А Цицерона не читалъ ,
Въ тѣ дни , въ таинственныхъ долинахъ ,
Весной , при кликахъ лебединыхъ ,
Близъ воды , сіявшихъ въ тишинѣ ,
Являться Муза спала мнѣ .

Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пирь молодыхъ зашѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца прелепные сны.

II.

И свѣтъ ея съ улыбкой встрѣшилъ;
Успѣхъ насъ первой окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣшилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Спрасшей единый произволь,
 Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я Музу рѣвую привёлъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ:
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары,
 И какъ Вакханочка рѣвилась,
 За чашей пѣла для гостей,
 И молодежь минувшихъ дней
 За нею буйно волочилась —
 А я гордился межъ друзей
 Подругой въпренной моей.

IV.

Но я опсталъ опъ ихъ союза
 И вдаль бѣжалъ... она за мной.

* *

Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ услаждала пупь нѣмой
Волшебствомъ шайнаго разсказа !
Какъ часто, по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ !
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопоть Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнь Опцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной

Она смиренные шатры
Племень бродящихъ посѣщала ,
И между ними одичала ,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странннхъ языковъ ,
Для пѣсень шепи ей любезной . . .
Вдругъ измѣнилось все кругомъ :
И вопшь она въ саду моёмъ
Явилась барышней уѣздной ,
Съ печальной думою въ очахъ ,
Съ Французской книжкой въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые
На свѣтской раупь привожу ;
На прелести ея шепныя
Съ ревнивой робостью гляжу.

Сквозь рядъ напыщенныхъ магнашовъ ,
Военныхъ франшовъ , дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ ;
Вопь сѣла шихо и глядитъ ,
Любуясь шумной тѣсношою ,
Мельканьемъ плашьевъ и рѣчей ,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою ,
И темной рамою мущинъ
Вкругъ дамъ какъ около каршинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ ,
И холодъ гордости спокойной ,
И эта смѣсь чиновъ и лѣшъ.
Но это кто въ толпѣ избранной

Стоишь безмолвный и шуманной?
 Для всѣхъ онъ кажешся чужимъ.
 Мелькають лица передъ нимъ,
 Какъ рядъ докучныхъ привидѣній.
 Что, сплнѣ иль спраждающая спѣсь
 Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
 Кто онъ таковъ? Ужель Евгеній?
 Ужели онъ? ... Такъ, точно онъ.
 — Давно ли къ намъ онъ занесѣнъ?

VIII.

Все пошь же ль онъ, иль усмирился?
 Иль корчишь шакъ же чудака?
 Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
 Что намъ представишь онъ пока?
 Чѣмъ нынѣ явился? Мельмопомъ,
 Космополипомъ, папріопомъ,

Гарольдомъ, квакеромъ, ханжѣй,
 Иль маской щегольнеть иной,
 Иль просто будетъ добрый малой,
 Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣсъ?
 По крайней мѣрѣ мой совѣсъ:
 Опстаешь опъ моды обвѣщалай.
 Довольно онъ морочилъ свѣсъ...
 — Знакомъ онъ вамъ? — И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
 Вы опзываетесь о немъ?
 За поль, что мы неугомонно
 Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
 Что пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ,

Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
 Что слишкомъ часто разговоры
 Принять мы рады за дѣла,
 Что глупость въпрена и зла,
 Что важнымъ людямъ важны вздоры,
 И что посредственность одна
 Намъ по плечу и не спранна?

X.

Блажень, кто смолоду былъ молодъ,
 Блажень, кто вовремя созрѣлъ,
 Кто постепенно жизни холодъ
 Съ лѣшами вышерпѣшь умѣлъ,
 Кто спраннымъ снамъ не предавался,
 Кто черни свѣтской не чуждался,
 Кто въ двадцать лѣтъ былъ франшъ иль хватъ,
 А въ тридцать выгодно женапъ;

Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
Н. Н. прекрасный человекъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечпанья
Исплѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣшь предъ собою

Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
 Глядѣшь на жизнь, какъ на обрядъ,
 И вслѣдъ за чинною толпою
 Ищи, не раздѣляя съ ней
 Ни общихъ мнѣній, ни спрасстей.

ХІІ.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
 Несносно (согласишесь въ томъ)
 Между людей благоразумныхъ
 Прослыть припворнымъ чудакомъ,
 Или печальнымъ сумасбродомъ,
 Иль сатаническимъ уродомъ,
 Иль даже Демономъ моимъ.
 Онѣгинь (вновь займуся имъ),
 Убивъ на поединкѣ друга,
 Доживъ безъ цѣли, безъ шрудовъ

До двадцаши шести годовъ,
 Томясь въ бездѣйствіи досуга
 Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
 Ничѣмъ заняшься не умѣлъ.

ХІІІ.

Имъ овладѣло безпокойство,
 Охопа къ переменѣ мѣсць
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногихъ добровольный кресць).
 Оставиль онъ свое селенье,
 Лѣсовъ и нивъ уединенье,
 Гдѣ окровавленная пѣнь
 Ему являлась каждый день,
 И началъ странствія безъ цѣли,
 Доступный чувству одному;
 И пупешествія ему,

Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопопъ пробѣжала...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генераль.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ припязаній на успѣхъ,
Безъ эшихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ зашѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ

Du comme il faut * * *, прости :
 Не знаю какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе ;
 Старушки улыбались ей ;
 Мущины кланялися ниже ,
 Ловили взоръ ея очей ;
 Дѣвицы проходили шише
 Предъ ней по залѣ : и всѣхъ выше
 И носъ и плеча подымалъ
 Вошедшій съ нею генераль.
 Никто бь не могъ ее прекрасной
 Назвать ; но съ головы до ногъ
 Никто бы въ ней найти не могъ
 Того, что модой самовластной
 Въ высокомъ Лондонскомъ кругу
 Зовется *vulgar*. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у насъ покаместъ ново
И врядъ ли быть ему въ чести.
Оно бь годилось въ эпиграммѣ.
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелесью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И вѣрно бь согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Заммишь сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

« Ужели, думаетъ Евгеній,
« Ужель она? Но точно... Нѣтъ...

« Какъ! изъ глуши степныхъ селеній... »

И неотвязчивый лорнешъ

Онъ обращаетъ поминутно

На шу, чей видъ напомнилъ смутно

Ему забытая черта.

« Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты,

« Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ

« Съ посломъ Испанскимъ говоритъ? »

Князь на Онѣгина глядитъ.

— Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.

Постой, тебя представлю я. —

« Да ктожь она? » — Жена моя. —

XVIII.

« Такъ ты женашь! не зналъ я ранѣ!

« Давно ли? » — Около двухъ лѣтъ. —

« На комъ? » — На Лариной. — « Тапьянѣ! »

— Ты ей знакомъ? — « Я имъ сосѣдь. »
— О, шакъ пойдемъ-же. Князь подходитъ
Къ своей женѣ и ей подводитъ
Родню и друга своего.
Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился потъ же потъ,
Быль шакъ же шихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей, ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль спала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.

Хоть онъ глядѣль нельзя прилѣжнѣй,
Но и слѣдовъ Ташьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрести.
Съ ней рѣчь хотѣль онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
И не изъ ихъ ли ужъ споронъ?
Помомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ ошался онъ.

XX.

Ужель та самая Ташьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой споронѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,

Читаль когда-то наставленья;
 Та, опъ которой онъ хранить
 Письмо, гдѣ сердце говоришь,
 Гдѣ все наружъ, все наволъ,
 Та дѣвочка... иль это сонъ?...
 Та дѣвочка, копорой онъ
 Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
 Ужели съ нимъ сей часъ была
 Такъ равнодушна, шакъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раупъ тѣсный,
 Домой задумчивъ ѣдепъ онъ;
 Мечпой по грушной, по прелестной
 Его встревоженъ позднѣй сонъ.
 Проснулся онъ; ему приносяпъ
 Письмо: Князь N покорно просить

Его на вечерь. «Боже! къ ней!...
 О буду, буду!» и скорѣй
 Мараешь онъ отвѣтъ учтивый.
 Что съ нимъ? въ какомъ онъ странномъ снѣ!
 Что шевельнулось въ глубинѣ
 Души холодной и лѣнливой?
 Досада? суешность? иль вновь
 Забота юности, любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
 Вновь не дождется дню конца.
 Но десять бѣшь; онъ выѣзжаетъ,
 Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
 Онъ съ прѣпетомъ къ Княгинѣ входитъ;
 Ташьяну онъ одну находить
 И вмѣстѣ нѣсколько минутъ

Они сидятъ. Слова нейдутъ
 Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
 Неловкій, онъ едва, едва
 Ей отвѣчаетъ. Голова
 Его полна упрямой думой.
 Упрямо смотришь онъ: она
 Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
 Сей непрятный tête à tête ;
 Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
 Проказы, шушки прежнихъ лѣтъ.
 Они смѣются. Входяшь гости.
 Вопь крупной солью свѣтской злости
 Сталь оживляясь разговоръ ;
 Предъ хозяйкой легкой вздоръ

Сверкаль безъ глупаго жеманства ,
 И прерываль его межъ шѣмь
 Разумный толкъ безъ пошлыхъ шемь ,
 Безъ вѣчныхъ испинь , безъ педанства ,
 И не пугаль ни чьихъ ушей
 Свободной живостью своей.

XXIV.

Туть былъ однако цвѣшь столицы ,
 И знашь и моды образцы ,
 Вездѣ встрѣчаемая лица ,
 Необходимые глупцы ;
 Туть были дамы пожилыя
 Въ чепцахъ и въ розахъ , свиду злыя ;
 Туть было нѣсколько дѣвиць ,
 Неулыбающихся лицъ ;
 Туть былъ посланникъ , говорившій

О государственныхъ дѣлахъ ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ , поспарому шутившій ,
Опмѣнно тонко и умно ,
Что нынче нѣсколько смѣшно .

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій ,
На все сердитый господинъ :
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій ,
На плоскость дамъ , на понь муцинъ ,
На толки про романъ шуманный ,
На вензель двумъ сестрицамъ данный ,
На ложь журналовъ , на войну ,
На снѣгъ и на свою жену .

XXVI.

Тутъ былъ***, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ приступившій,
St P**, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой дикшаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной,
Румянь какъ вербный херувимъ,
Затянушь, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залѣтной,
Перекрахмаленный нахаль,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ

Своей осанкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занять былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною Княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной царственной Невы.
О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечешь;
Вась непрестанно змѣй зовешь
Къ себѣ, къ таинственному древу:

Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ шого вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Тапьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Приемы скоро приняла!
Ктобъ смѣлъ искашь дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ заль?
И онъ ей сердце волноваль!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ когда нибудь
Свершитъ смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣмъ возрасты покорны;
 Но юнымъ дѣвственнымъ сердцамъ
 Ея порывы благотворны,
 Какъ бури вешнія полямъ:
 Въ дождѣ спраспей они свѣжьютъ,
 И обновляюшся, и зрѣють —
 И жизнь могущая даётъ
 И пышный цвѣтъ и сладкій плодъ.
 Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печалень спраспи мертвой слѣдъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болото обращаютъ лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгенийъ
 Въ Татьяна какъ дитя влюбленъ;

**

Въ тоску любовныхъ помышлений
 И день и ночь проводить онъ.
 Ума не внемля спрогимъ пѣнямъ,
 Къ ея крыльцу, спекляннымъ сѣнямъ
 Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
 За ней онъ гонится какъ тѣнь;
 Онъ щаспливъ, если ей накинеть
 Боа пушистый на плечо,
 Или коснется горячо
 Ея руки, или раздвинетъ
 Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
 Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
 Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
 Свободно дома принимаетъ,

Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три ,
 Порой однимъ поклономъ встрѣшится ;
 Порою вовсе не замѣшится :
 Кокешства въ ней ни капли нѣтъ —
 Его не терпитъ высшій свѣтъ .
 Блѣднѣтъ Онѣгинъ начинаетъ :
 Ей иль не видно , иль не жаль ;
 Онѣгинъ сохнетъ , и едва ль
 Ужъ не чахоткою спрадаетъ .
 Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ ,
 Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ .

XXXII.

А онъ не ѣдетъ ; онъ заранѣ
 Писать ко прадѣдамъ готовъ
 О скорой встрѣчѣ ; а Татьяна
 И дѣла нѣтъ (ихъ полъ шаковъ) ;

А онъ упрямъ, отступить не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочеть ;
Смѣлѣй здороваго, больной
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть полку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ невопще ;
Но знаешь сердечное спрданье
Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его почь въ почь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

Предвижу все : васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразить !
Чего хочу ? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою ?

Какому злобному веселью,
Быть можешь, поводь подаю!

Случайно вась когда-то встрѣпя,
Вь вась искру нѣжности замѣпя,
Я ей повѣришь не посмѣлъ:
Привычкѣ милой не даль ходу;
Свою посылаю свободу
Я пошеряшь не захошѣлъ.
Еще одно насъ разлучило.....
Нещасной жертвой Ленскій палъ...
Опо всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оспорвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна щастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

Нынь, поминутно видѣшь вась,
Повсюду слѣдовашь за вами,

Улыбку устъ , движенье глазъ
Ловишь влюбленными глазами ,
Внимаешь вамъ долго , понимаешь
Душой все ваше совершенство ,
Предъ вами въ мукахъ замираешь ,
Блѣднѣешь и гаснуешь ... вошь блаженство!

И я лишень того : для васъ
Тащусь повсюду наудачу ;
Мнѣ дорогъ день , мнѣ дорогъ часъ :
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой опщипанные дни .
И такъ ужь сягоспны они .
Я знаю : вѣкъ ужь мой измѣрень ;
Но чшобъ продлилась жизнь моя ,
Я упромъ долженъ бышь увѣрень ,
Что съ вами днемъ увижусь я...

Боюсь : въ мольбѣ моей смиренной
Увидишь вашъ суровый взоръ

Зашѣи хитрости презрѣнной —
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бѣ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылашь — и разумомъ всечасно
Смиряшь волненіе въ крови;
Желаешь обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что выразить бы могъ,
А между тѣмъ припворнымъ хладомъ
Вооружаешь и рѣчь и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядишь на васъ веселымъ взглядомъ!..

Но такъ и быть: я самъ себя
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье :
Второму, претъему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова ;
У ! какъ теперъ окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержатъ негодованье
Уста упрямая хошятъ!
Впериль Онѣгинъ зоркій взглядъ :
Гдѣ, гдѣ смяшенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезь?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гнѣва слѣдь...

XXXIV.

Да можетъ бытъ, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣшь не угадалъ

Проказы, слабости случайной.....
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ.....
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклинаетъ —
И, въ немъ глубоко погружёнъ,
Отъ свѣта вновь опрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воровъ взяла
И въ темный уголь заперла.

XXXV.

Спалъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,

Madame de Stael, Биша, Тиссо,
 Прочель скептического Беля,
 Прочель шворенья Фоншенеля,
 Прочель изъ нашихъ кой-кого,
 Не отвергая ничего:
 И альманахи, и журналы,
 Гдѣ поученья намъ швердяшъ,
 Гдѣ нынче такъ меня браняшъ,
 А гдѣ шакіе мадригалы
 Себѣ встрѣчалъ я иногда,
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И чшожь? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечпы, желанія, печали
 Тѣснились въ душу глубоко.
 Онъ межъ печатными строками

Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углублѣнъ.
То были пайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, полки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ Воображенье
Свой пестрый мечеть фараонъ.
То видишь онъ: на шаломъ снѣгъ,
Какъ будто спящій на ночлегъ,
Недвижимъ юноша лежитъ,

И слышишь голосъ : чпожь? убить.
То видишь онъ враговъ забвенныхъ,
Клевешниковъ, и прусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ шоварищей презрѣнныхъ,
То сельскій домъ — и у окна
Сидишь она ... и все она!...

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ перяться въ эпомъ,
Что чуть съ ума не сворошилъ ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться : по-тобъ одолжилъ !
А почно : силой магнетизма
Спиховъ Россійскихъ механизма
Едва въ шо время не поспигъ
Мой безтолковой ученикъ.

Какъ походилъ онъ на поэта,
 Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
 И передъ нимъ пылалъ каминъ,
 И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
 Иль *Idol mio*, и ронялъ
 Въ огонь по шуфлю, по журналь.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухъ нагрѣтомъ
 Ужь разрѣшалася зима;
 И онъ не сдѣлался поэтомъ,
 Не умеръ, не сошелъ съума.
 Весна живишь его: впервые
 Свои покои запертые,
 Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
 Двойныя окна, камелекъ
 Онъ яснымъ упрямъ оставляетъ,

Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце ; грязно шаешь
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремись Онѣгинь? Вы заранѣ
Ужь угадали ; точно такъ :
Примчался къ ней , къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идешь , на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу ; дальше : никого.
Дверь отворилъ онъ. Чшожь его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ , одна ,
Сидишь , неубрана , блѣдна ,

Письмо какое-то чашаетъ
И шико слезы льешъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, ктобъ нѣмыхъ ея спраданій
Въ сей быспрый мигъ не прочиталь!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ Княгинѣ бѣ не узналь!
Въ шокѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упаль Евгений;
Она вздрогнула, и молчиль;
И на Онѣгина глядиль
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ,
Ей вяшно все. Простая дѣва,

Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И не сводя съ него очей
Опъ жадныхъ успъ не опымаетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?...
Проходишь долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль потъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и шакъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сего дня очередь моя.

XLIII.

Онѣгинь , я тогда моложе ,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ ; и что-же ?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла ?
Какой отвѣтъ ? одну суровость.
Не правда ль ? Вамъ была не новость
Смиреной дѣвочки любовь ?
И нынче — Боже ! — спынешь кровь ,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь ... Но васъ
Я не виню : въ попь спрашный часъ
Вы поступили благородно ,
Вы были правы предо мной :
Я благодарна всей душой ...

XLIV.

Тогда — не правда ли ? — въ пустынь
Вдали отъ суетной Молвы ,

Я вамъ не нравилась... Чпожь нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтъ?
Не попомуль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна,
Что я богата и знамна,
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ,
Что милосшивъ за шо къ намъ Дворь?
Не попому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,

Холодный, строгій разговоръ,
Когда бь въ моей лишь было власти,
Я предпочла бь обидной страсти
И эшимь письмамь и слезамь.
Кь моимь младенческимь мечпамь
Тогда имѣли вы хопь жалось,
Хопь уваженіе кь лѣпамь...
А нынче! — что кь моимь ногамь
Вась привело? какая малось!
Какь съ вашимь сердцемь и умомь
Быть чувства мелкаго рабомь?

XLVI.

А мнѣ, Онѣгинь, пышность эта
Поспылой жизни мишура;
Мои успѣхи въ вихрь свѣта,
Мой модный домь и вечера,

Что въ нихъ? Сейчасъ опдашь я рада
Всю эту вешошь маскарада,
Весь эшошь блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею...

XLVII.

А щастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Ужь рѣшена. Неосторожно,
Быть можешъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній

Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

XLVIII.

Она ушла. Стоишь Евгенийъ,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Ташьянинъ показался,

И здѣсь героя моего,
 Въ минушу злую для него,
 Чипашель, мы шеперь оставимъ,
 Надолго... навсегда. За нимъ
 Довольно мы пушемъ однимъ
 Бродили по свѣшу. Поздравимъ
 Другъ друга съ берегомъ. Ура!
 Давнобъ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Ктобъ ни былъ ты, о мой чипашель,
 Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
 Разстаться нынче какъ пріятель.
 Проси. Чего бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
 Воспоминаній ли мяшежныхъ,
 О вдохновенья ль ошъ трудовъ,

Живыхъ картинь, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ ошибокъ,
Хотя крупицу могъ найсти.
За симъ разстанемся, прости.

L.

Просижь и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый прудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней

Съ тѣхъ поръ, какъ юная Ташьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ—
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различалъ.

II.

Но тѣ, которыхъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади некогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А та, съ которой образованъ
Ташьяны милый идеалъ...
О много, много рокъ опьяля!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано

Оспавиль , не допивъ до дна
Бокала полного вина ,
Кто не дочель ея романа
И вдругъ умѣль разспашься съ нимъ ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

Конецъ осьмой и послѣдней Главы.

25 56

37. Он. Г. 8.

Продается въ С. Пешербургѣ,
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копейкъ.